

Языковые уровни речевой манипуляции в текстах, содержащих пропаганду и одобрение экстремистской и террористической деятельности

 А.А. Бойцов^{1,2}, А.А. Кулешова³

¹ Федеральное государственное казенное учреждение «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», Москва 119311, Россия

² Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», Москва 125080, Россия

³ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 101000, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления речевых манипуляций на различных уровнях русского языка в рамках судебной лингвистической экспертизы. В качестве иллюстративного материала используются тексты пропагандистского, экстремистского и террористического дискурсов. Показано, каким образом речевые манипуляции находят в таких текстах свое проявление в зависимости от языкового уровня. Указано на необходимость участия эксперта-психолога при работе со сложными случаями речевой манипуляции. Отмечено, что наиболее продуктивным в части воспроизводства речевых манипуляций разной этиологии является лексический уровень. Показано, каким образом происходит смешение разных языковых уровней при осуществлении криминальной речевой манипуляции. Сделан вывод о научно-методической значимости анализа уровней проявления речевых манипуляций, а также о влиянии такого анализа на доказательственную силу заключения и правовые последствия выводов эксперта.

Ключевые слова: речевая манипуляция, речевые манипулятивные приемы, уровни языка, интертекст, экстремизм, терроризм, судебная лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Бойцов А.А., Кулешова А.А. Языковые уровни речевой манипуляции в текстах, содержащих пропаганду и одобрение экстремистской и террористической деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2026. Т. 21. № 1. С. 76–85.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2026-1-76-85>

Language Levels of Verbal Manipulation in Texts Containing Propaganda and Approval of Extremist and Terrorist Activities

 Alexey A. Boytsov^{1,2}, Aleksandra A. Kuleshova³

¹ Forensic Center of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow 119311, Russia

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Moscow 125080, Russia

³ The Russian Federal Centre of Forensic Science named after professor A.R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 101000, Russia

Abstract. The article deals with the problem of identifying verbal manipulations at various levels of the Russian language in the context of forensic linguistic examination. The texts of extremist propaganda and terrorist discourses are used as illustrative material. It is shown how verbal manipulations find their manifestation in such texts depending on the language level. It is stated that the participation of an expert psychologist is needed when working with complex cases of speech manipulation. It is noted that the lexical level is the most productive one in terms of reproducing speech manipulations of various etiologies. It is shown how different language levels are mixed when implementing criminal verbal manipulation. The conclusion is made on the scientific and methodological significance of the analysis of the manifestation levels of verbal manipulations, as well as on the influence of such analysis on the evidentiary value of the expert opinion and legal consequences of the expert's findings.

Keywords: *verbal manipulation, verbal manipulation techniques, language levels, intertext, extremism, terrorism, forensic linguistic examination*

For citation: Boytsov A.A., Kuleshova A.A. Language Levels of Verbal Manipulation in Texts Containing Propaganda and Approval of Extremist and Terrorist Activities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2026. Vol. 21. No. 1. P 76–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2026-1-76-85>

Введение

В настоящее время интернет значительно превосходит по своим возможностям традиционные средства массовой информации и массовой коммуникации – газеты, радио и телевидение, которые еще два десятилетия назад считались общепринятыми. Его доступность, высокая скорость передачи данных, широкий охват аудитории, обеспечение (пусть и иллюзорной) анонимности общения и разнообразие источников информации (как подлинных, так и сфабрикованных) [1], создают у пользователей ощущение объективности и достоверности. Данные характеристики делают интернет мощным инструментом, пригодным как для созидательной деятельности, так и для деструктивного воздействия на массы.

Такая возможность недобросовестного использования медиаресурсов делает особо актуальной проблему распространения экстремистского и террористического контента, в особенности с использованием манипулятивных речевых приемов, которые, в свою очередь, маскируют глобальную речевую стратегию публикатора и скрывают от адресата действительную цель говорящего – вовлечь потребителя такого контента в противоправную деятельность. Однако опасность подобных приемов, на наш взгляд, заключается еще в их способности ввести в заблуждение следователей и судей, что может привести к неверной оценке умысла субъекта.

Как справедливо отмечает В.О. Кузнецов, «эксперту-лингвисту необходимо понимать юридическое значение экспертных выводов, а также правовые последствия дачи заключения эксперта» [2, с. 27].

Если эксперт-лингвист не раскроет особенности речевой манипуляции на языковом уровне, то при производстве лингвистической экспертизы это явным образом повлияет на установление речевых целей, а соответственно и на характер выводов, что в итоге может стать основанием для оправдательного приговора лицу, которого при прочих равных суд признал бы вино-

вым. При производстве же комплексных экспертиз это может создать препятствие для эксперта другой специальности в ходе описания наблюдаемого феномена (если другому эксперту придется опираться на лингвистическую часть исследования) или повлиять на наличие совокупности признаков, на категоричность выводов, что также будет иметь негативные последствия для правосудия. Вместе с этим, определение языкового уровня, на котором осуществляется манипуляция, позволит эксперту-лингвисту сформировать более убедительную с научной точки зрения позицию и увеличит доказательственную силу его заключения.

В настоящей статье мы попытались систематизировать и описать проявления речевых манипуляций на различных языковых уровнях русского языка, включая текстовый, лексический, морфологический, фонетический и другие. Здесь же считаем важным отметить, что при лингвистическом исследовании необходимо учитывать не отдельный манипулятивный прием, а их совокупность, поскольку, во-первых, как показывает практика, авторы пропагандистских материалов обычно используют несколько приемов на разных языковых уровнях. Во-вторых, такое описание позволит следствию исключить случайный (единичный) характер манипуляции и говорить о целенаправленности деятельности автора по представлению заведомо ложной информации под видом достоверной.

Речевая манипуляция

Современная судебная лингвистическая экспертиза обладает достаточным инструментарием [3] для того, чтобы вскрывать, объяснять речевые манипуляции и предъявлять на обозрение суда весь набор использованных в тексте манипулятивных речевых техник. В исключительно сложных случаях для решения такой задачи необходимо участие эксперта-психолога [4]. Тем не менее, экспертная практика показывает, что в подавляющем большинстве дел даже заключение одного эксперта-лингвиста мо-

жет облегчить следствию работу по установлению целенаправленности действий лица, помогая раскрыть неочевидные цели и завуалированные мотивы создателя текста.

Само понятие «речевой манипуляции» так или иначе нашло закрепление и в филологических науках.

Г.А. Копнина предлагает такое определение: «речевая манипуляция – это скрытое воздействие на адресата, которое основано на использовании таких ресурсов языка, которые в совокупности позволяют сформировать ложное представление о том или ином объекте действительности (в его широком понимании) и определенное отношение к нему, направленные в конечном итоге на изменение поведения адресата в выгодную манипулятору сторону» [5, с. 32].

Профессор О.С. Иссерс, на работы которой доводилось опираться любому опытному эксперту-лингвисту, считает, что манипуляция представляет собой «специфическое поведение, осуществляемое путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [6, с. 42].

Распознавание «манипулятивных моделей» в экстремистских интернет-текстах Д.В. Моротов осуществляет на основе выявления актуальных «брендов» – лексических единиц, притягивающих внимание читателя, мотивирующих его к восприятию информации и направляющих внимание по «маршруту», заданному автором, – особенно в начале текста; стереотипов и словесных ярлыков, дающих негативные характеристики персоналиям; указаний на статистические данные, которые имеют ангажированный характер; способов создания негативной картины реальности и формирования у читателя чувства страха, ощущения необходимости агрессивного противостояния¹.

Существующие в филологии (и лингвистике) научные представления о феномене речевой манипуляции в целом не противостоят представлениям о манипуляции, имеющимся в наивной картине мира. На бытовом уровне манипуляция хорошо описана лексикографами: **МАНИПУЛЯЦИЯ** – 4. Способ, прием воздействия на сознание людей путем представления кого-, чего-л.

в искаженном, ложном виде [7, с. 519]. Для судебной экспертизы такое совпадение по основным параметрам особенно важно, поскольку, как верно отмечает В.О. Кузнецов, адресатами заключения эксперта «являются судьи, следователи, дознаватели и другие участники судопроизводства», то есть лица, не обладающие специальными знаниями в области лингвистики, для которых узкоспециальные термины могут оказаться непонятными [2, с. 132]. Вместе с этим исследователи выделяют разные способы (приемы) манипуляции.

На первое место большинство ученых выносят манипулирование фактическими данными, говоря при этом о референции [8, с. 12–13], о так называемом референциальном манипулировании [9, с. 173–174].

В данном исследовании мы хотели бы выделить некоторые уровни, на которых осуществляются речевые манипуляции. Так, манипуляция фактами, на наш взгляд, происходит на уровне интертекста.

Уровень интертекста

Для работы с такими манипуляциями от эксперта-лингвиста требуются не только знания в области лингвистики, но и часто обширные фоновые знания – «знания о текущей политической обстановке в стране и мире, геополитических конфликтах, общественно-политических процессах, социокультурных аспектах» [2, с. 29]. Наиболее ярким примером служит общеизвестная ситуация 2022 года в Буче Киевской области, которая в антироссийском дискурсе называется «резней в Буче» и описывается как «массовое убийство мирных жителей российскими военными». Общеизвестно, что доказательства такой точки зрения являются сфабрированными, что было неоднократно подтверждено официальными представителями России на международном уровне². Другие примеры манипулирования фактическими данными относительно конкретных событий или объектов – сообщения представителей прозападной пропаганды о подрыве Каховского водохранилища³ и ударах по Запорожской атомной

² Выступление и ответное слово Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по гуманитарной ситуации на Украине // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 05.04.2022. russiaun.ru/ru/news/050422_u

³ Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по Каховской ГЭС // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 06.06.2023. russiaun.ru/ru/news/unsc_060623

¹ Моротов Д.В. Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте (на материале Рунета): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 2016. 24 с.

электростанции⁴, осуществленных российскими военными, которые также не нашли фактического подтверждения.

Регулярно используются и обобщенные сообщения, при помощи которых действиям российских военных пытаются приписать различные негативные особенности, в частности о похищениях детей с территории Украины. За похищения пытались представить факты спасения украинских детей российскими военными за счет выведения за линию фронта, часто «похищенные» дети обнаруживались на территории государств Европы⁵. К числу уже опровергнутых так называемых фейков следует отнести и сообщения о целенаправленных обстрелах школ, детских садов, больниц, роддомов и других объектов гражданской инфраструктуры, об изнасилованиях женщин, детей, пожилых людей, о массовых убийствах и пытках мирных жителей, поскольку все сообщения были многократно и убедительно опровергнуты на международном уровне (см., например, другие выступления В.А. Небензи на заседаниях по Украине). Почти всегда подобные тексты становятся объектом исследования эксперта-лингвиста.

Сообщение (как минимум) указанной выше информации о негативных действиях российских военных является манипулированием фактическими данными, поскольку не соответствует действительности. Однако не все случаи, на которые ссылаются в общественно-политическом дискурсе, получают такой резонанс, чтобы о них высказывались официальные лица на высоком международном уровне. При отсутствии достаточных фоновых знаний у эксперта подобные аспекты, к сожалению, могут оказаться нераспознанными.

Текстовый уровень

Манипуляция фактическими данными может быть вскрыта экспертом-лингвистом и без обращения к социокультурному контексту, когда изготовитель пропагандистского материала недостаточно дальновиден и искусен в своем ремесле. Показателен следующий случай из экспертной практики:

в одном из отрывков диктор говорит: «Напоследок мы покажем вам видео из Бучи, в котором украинские военные показывают места наиболее ожесточенных боев». Затем кадр сменяется, и в следующем фрагменте третье лицо сообщает: «Я не военный человек, но я не могу до конца осознать, почему...» (и далее до конца ролика ни о каких военных не упоминается).

Манипуляция здесь проявляется в том, что механизм аргументации реализуется лишь формально: диктор сообщает информацию и затем подкрепляет ее высказываниями третьего лица. Однако с содержательной точки зрения между ними наблюдается значимое противоречие.

За счет указания на украинских военных как на источник информации диктор имплицитно говорит и о высоком уровне доверия к сообщаемой информации⁶, поскольку военные являются, во-первых, представителями крупной организованной структуры, во-вторых, – носителями знания; лицами, которые оперативно получают достоверную информацию о боевых действиях. Кроме того, военные (независимо от их гражданской принадлежности) считаются людьми долга, чести, что в картине мира обычного человека несовместимо с ложью и/или обманом. Таким образом указание на военных является аргументом к авторитету. При этом следующий за данным аргументом фрагмент по содержанию опровергает заявленное диктором указание об авторитетности источника («Я не военный человек...»). Но для адресата (слушающего и смотрящего видеоролик) это становится уже не важным, ведь высказывания диктора оказались подтвержденными с формальной точки зрения, а значит, можно доверять сообщаемому, несмотря на очевидную ложь.

Среди наиболее популярных речевых манипуляций, к которым прибегают в первую очередь авторитетные зарубежные СМИ, можно выделить «одностороннее освещение событий», заключающееся в «отсутствии плюрализма в освещении темы» [8]. Композиционно публикация в таких СМИ обычно представляет собой цитирование мнений о проблемной ситуации множества разных политиков и иных деятелей (глав западных стран, функционеров

⁴ Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по ситуации на Запорожской АЭС // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 15.04.2024. russiaun.ru/ru/news/11504244

⁵ Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по Украине // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 04.12.2024. russiaun.ru/ru/news/nebenzia_ukraine_041224

⁶ Вероятнее всего, видеоролик был рассчитан на нероссийского зрителя, на граждан Украины, либо на тех граждан России, которые больше доверяют представителям чужой власти, нежели отечественным политикам.

международных объединений, дипломатов и др.). Самоустранение автора, его мнимая безоценочность и разнообразие информантов могут создать иллюзию плюрализма и объективности. Однако в подборе определенных мнений и заключается авторская позиция и его оценка ситуации. Кроме того, почти всегда экспертный анализ в таких случаях показывает, что с содержательной точки зрения приводимые СМИ мнения повторяют друг друга в части темы и оценки, выраженных в приводимых цитатах, и представляют собой единую точку зрения на проблемную ситуацию [9]. Так, события в упомянутой Буче, в Ирпене и других городах Киевской области в ведущих западных изданиях описывались исключительно в обвинительном ключе в сторону России.

Вместе с этим эксперты наблюдали и ситуации усложнения манипуляции за счет приведения альтернативных точек зрения, когда на двух газетных разворотах имелся абзац, в котором было сказано: «Российское Минобороны отвергло сообщения о Буче, сказав, что это украинская провокация. Кремль заявил, что гражданские не пострадали от насилия, пока в Буче находились российские военные».

Однако даже в таких случаях авторы антироссийских пропагандистских материалов не справляются со своей задачей и допускают ошибки (которые заметит эксперт-лингвист). Так, в вышеприведенном фрагменте текста помогающая создать псевдоплюрализм противоположная точка зрения касается исключительно Бучи, в то время как в самой статье были приведены мнения и факты об убийствах не только в Буче, но и в Ирпене и других населенных пунктах.

На наш взгляд, подобные вставки не связаны с маскировкой под плюрализм мнений, а в большей мере являются своеобразной тактикой ухода как от правовых [10], так и от репутационных рисков (быть обвиненными в необъективности).

Описанная выше речевая манипуляция, по нашему мнению, осуществляется уже на более низком уровне – на уровне текста, поскольку связана в основном со структурой текста и его композиционными особенностями.

Лексический уровень

Еще одну речевую манипуляцию можно выявить уже на лексическом уровне. В качестве ее определения мы предлагаем использовать терминологическое сочета-

ние «подмена понятия», в основе которого лежит «логическая ошибка», знакомая всем из школьной программы по русскому языку. Сам лексический уровень, как показывает практика, является наиболее продуктивным в части воспроизводства речевых манипуляций разной этиологии, поскольку здесь обнаруживаются разные явления из-за того, что все слова обладают коннотативным значением.

В качестве примера может быть использован следующий текст: «Совершенный ночью поджог военкомата нельзя считать терактом, потому что люди при этом не гибнут. Ночью в военкомате никого нет». Рассмотрим существо данной манипуляции с точки зрения лингвистики.

Теракт, или террористический акт, имеет следующее словарное значение: «насилие или устрашение, направленное против государства, с целью вынудить государственную власть принять нужное террористу решение» [7, с. 1320]. Говорящий в данном случае выделяет, делает единственной сему «насилия» и использует это в качестве основного аргумента для обоснования своей позиции. При этом детальное рассмотрение значения слова «поджог»⁷, его соотнесение со значением слова «устрашение»⁸ (семы, которая также является компонентом «терракта») показывает, что они имеют считываемую всеми членами языкового коллектива семантику «опасности» [11]. То есть даже в исключительно лингвистическом понимании теракт – это не обязательно действие, ведущее к гибели людей, сопряженное с насилием, но и действие, которое может представлять опасность. Соответственно, в рассмотренном случае мы видим манипуляцию – опущение компонента сигнификата (да и денотата тоже, поскольку он в приведенном случае будет практически равен сигнификату). Некоторые исследователи отмечают, что на речевую манипуляцию может указывать «наличие лингвистических аномалий» [2]. Таким образом, приведен-

⁷ ПОДЖОГ – 2. Умышленное устройство пожара => ПОЖАР – 1. Сильное пламя, охватывающее и уничтожающее все, что может гореть; самое горение, уничтожение чего-л. огнем => УНИЧТОЖИТЬ – 1. Разрушая, убивая, истребляя и т. п., прекратить существование кого-, чего-л. [7, с. 865, с. 888, с. 1390].

⁸ УСТРАШЕНИЕ => УСТРАШИТЬ – Вызвать внушить страх; испугать => СТРАХ – 1. Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.; боязнь => ОПАСНОСТЬ – 1. Возможность нанесения материального ущерба, физического или морального вреда [7, с. 1403, с. 1277, с. 715].

ный выше пример, на наш взгляд, попадает и под данную классификацию речевых манипуляций, поскольку такое использование слова «теракт» одновременно указывает и на наличие семантической аномалии (на немотивированное контекстом усечение нормального, узуального значения).

Другим видом речевой манипуляции, который ярко проявляется на лексическом уровне, является использование ключевых слов – слов-триггеров («дети», «женщины», «инвалиды», «старики» и др.).

«Классическим» для антироссийской пропаганды считается указание на гибель детей, беременных женщин якобы от целенаправленных действий российских военных, например: «Мужчина под Киевом потерял в одну ночь жену, дочь, двух зятей и тещу»; «Удар по роддому в Мариуполе. В результате которого погибло три человека. Включая ребенка». Это не единственные высказывания из данного текста, но их уже достаточно, чтобы говорить об использовании слов-триггеров.

Популярным словом-триггером для указания на действия, которые приписываются российским военным, является слово «изнасилование»: «Украинцы обвинили российские войска в изнасиловании женщин и попытке сжечь их обнаженные тела»; «посол Великобритании на Украине заявила: “Изнасилование – это оружие войны. Хотя мы еще не знаем в полной мере масштабов его применения на Украине, уже ясно, что оно было частью арсенала [России]”». Здесь также приведена лишь часть высказываний из единого текста.

Для выявления подобных манипуляций не обязательно использовать количественный метод и оценивать частотность употребления того или иного слова-триггера в тексте. При наличии в тексте других видов речевых манипуляций даже однократное употребление таких слов будет указанием на данный вид речевой манипуляции.

Навешивание ярлыков также является одним из наиболее распространенных приемов речевого манипулирования с целью создания негативного образа (например, России в массовом сознании). Так, в большинстве материалов в отношении российских деятелей используются названия политических движений, историко-географических процессов и т. д., имеющие негативную коннотацию («фашисты», «нацисты», «колонизаторы» и др.), а также слова «агрессоры», «преступники», «тираны»,

которые можно отнести к «идеологическим речевым штампам» [12].

Эксперту-лингвисту необходимо обращать особое внимание на манипуляции с использованием ярлыков «фашисты», «нацисты», «оккупанты». Для граждан России, как для жителей «страны, победившей нацизм», гитлеровскую Германию, наследников тех, кто столкнулся с реальной (а не вымышленной словесной) оккупацией, подобные, пускай и примитивные, приемы достаточно болезненны, поскольку так или иначе влияют на историческую память, обесценивая ее за счет того, что жертве (русскому народу, неотъемлемой частью которого являются российские военные) приписывается поведение насильника, агрессора (нацистов и фашистов).

К тому же разряду приемов можно отнести использование эвфемизмов и дисфемизмов – например, акцентированную замену словосочетания «специальная военная операция» на слово «война»⁹.

Выбор лексических средств иногда может зависеть от позиции наблюдателя. И поскольку судебный эксперт находится на стороне права и закона определенного государства (в нашем случае – на стороне закона России), то и позиция, с которой он рассматривает лингвистические явления, не может не совпадать с позицией его государства. Соответственно, при анализе речевых манипуляций эксперту необходимо исходить из официальной государственной позиции. В качестве актуального примера могут служить слова «оккупация» и «освобождение», которые обозначают одно и то же действие, описанное с разных сторон (как слова «победа» и «поражение»), и используемые соответственно представителями разных идеологических групп.

Смешение уровней

При исследовании манипуляций часто наблюдается смешение уровней. Так, на текстовом уровне антитетическая композиция в виде противопоставления России

⁹ В данном случае не имеется в виду не запрет на использование слова «война». Как показывает практика русского языкового коллектива, данное слово может использоваться в качестве синонима «специальной военной операции» и в нейтральных текстах. Под акцентированной заменой мы понимаем такое использование слова «война», которое очевидным для читателя образом как раз исключает отношения синонимии со «специальной военной операцией» (например: «Не смейте так говорить! Это у вас никакая не операция, это настоящая война на полное уничтожение украинского народа!»).

и стран Запада позволяет адресантам провести разграничительную линию между государствами, развести их в разные стороны на аксиологической шкале («чтобы адресат согласился с определенным положением, разделит с адресантом определенное отношение» [13] к России). При этом контрастность в таких текстах достигается за счет лексических средств: активное использование антонимических пар «помощь-Европа» и «война-Россия» воздействует на чувства адресата, вызывая у него негативные ассоциации с Россией.

Морфологический уровень

На морфологическом уровне речевая манипуляция может проявляться, к примеру, в выделении конкретного предлога: «в Украину¹⁰». Так, нарочитое использование предлога «в» в общественно-политическом дискурсе («Вы неправильно пишете, надо говорить в Украине») укрепляет идею об исключительном статусе Украины как свободного, абсолютно независимого государства, на которое якобы напала Россия, поскольку именно названия государств (а не регионов) оформляются в русской традиции с помощью предлога «в». В совокупности с другими манипулятивными тактиками данный прием может указывать на особую глобальную речевую стратегию автора (например, являться частью стратегии дискредитации России в целом или вооруженных сил в частности).

Морфемный уровень

На морфемном уровне частотны манипулятивные искажения имен собственных. Например, особой популярностью у представителей антироссийского дискурса пользуется прием с заменой букв в фамилии Президента Российской Федерации, которая добавляет семантику, связанную со сферой телесного низа. Также встречаются различного рода контаминации, где одной частью выступают фамилии отечественных политических или иных деятелей, а другой – фамилии отрицательных исторических фигур (например, Гитлера).

За счет таких замен и объединений говорящий не только демонстрирует свое негативное и/или враждебное отношение к определенному лицу, но и убеждает адре-

сата в допустимости такого отношения в целом.

Фонетический уровень

На фонетическом уровне также могут использоваться разные средства, к которым можно отнести рифмы, звуковое подобие и другие. Для западной прессы в связи с событиями в Буче актуальным было внешнее фонетическое сходство (омофония) слов Bucha / «Буча» (населенный пункт) и butcher / «буче^[9]» (англ. butcher – мясник, палач, убийца). Например, в статье с заголовком «Butcher of Bucha» речь шла о событиях в Буче и о президенте Российской Федерации, которого таким образом представитель западной пропаганды оценил негативно (как «палача и убийцу»). Опознание и вскрытие такой манипуляции связано с применением специальных знаний в области английского языка и, соответственно, не сможет быть предъявлено в рамках судебной лингвистической экспертизы на текущий момент, поскольку имеющиеся в распоряжении экспертов методики не позволяют напрямую исследовать тексты на английском языке. Однако в случае, если такая манипуляция будет осуществляться с использованием слов русского языка, эксперт-лингвист вполне сможет на нее указать.

Графический уровень

Наименее значимые (и в первую очередь служащие для демонстрации негативного отношения) околomанипулятивные приемы удастся наблюдать и на графическом уровне [14], где наиболее частотно написание имен собственных с маленькой буквы или с искажением орфографии («россия», «росия», «росисия» и др.).

Экстралингвистический уровень

Говорить об информации, выраженной на данном уровне, необходимо с некоторой долей условности, поскольку эти сведения значимы не столько для составления заключения, сколько для формирования внутреннего убеждения у эксперта-лингвиста и у сотрудников правоохранительных органов.

Кажется очевидным, что те или иные приемы, описанные в настоящей статье, могут использоваться не только представителями антироссийской пропаганды, но и отечественными пророссийскими средствами массовой информации или же отдельными пассионарными гражданами России, веду-

¹⁰ При том, что с точки зрения неополитизированного русского языка допустимы два варианта управления, несмотря на то, что для современного русского языка наиболее частотным является управление «на Украину».

щими, например, блоги и каналы в социальных сетях.

Ключевое отличие здесь заключается в том, что представители прозападной антироссийской пропаганды всегда используют манипулятивные средства с деструктивными целями: разобщить граждан России, нарушить имеющиеся между ними хрупкие социальные связи, спровоцировать, например, внутригосударственные межгрупповые конфликты.

Пророссийские же СМИ и блогеры, если и прибегают к манипуляциям (иногда к неумелым и избыточно нарочитым), то используют их в конструктивных целях, чтобы объединить и консолидировать российское общество, а самое главное – защитить граждан России от негативного внешнего информационного воздействия. Ведь именно по территории России (в отличие от стран Запада) наносятся многочисленные физические удары, не говоря уже об осуществляемых из-за рубежа психологических атаках так называемых телефонных мошенников, которым ежедневно подвергаются граждане России (ярче всего об этом свидетельствует статистика МВД России по преступлениям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹¹).

Заключение

В настоящей работе рассмотрены лишь некоторые из основных уровней русского языка, на которых находят свое проявление

речевые манипулятивные приемы. Однако последовательный анализ и учет даже этих уровней в научно-методическом плане не позволит эксперту-лингвисту пропустить даже хорошо замаскированную речевую манипуляцию в тексте и даст возможность верно установить коммуникативную цель публикатора как в рамках лингвистической, так и комплексной судебной экспертизы. Приведенные в статье примеры очевидным образом указывают на необходимость исследования манипулятивных приемов в совокупности, ведь такой подход позволит следствию исключить случайный характер использования и даст возможность говорить о целенаправленном характере деятельности автора/публикатора.

Вместе с этим решение данной задачи в рамках исследования будет не только способствовать увеличению доказательственной силы экспертного заключения, но и сможет оказать влияние на юридические последствия выводов эксперта, а также облегчит следствию доказывание целенаправленности действий автора/публикатора в части представления заведомо ложной информации под видом достоверной.

Кроме того, подобный анализ может быть полезен и на бытовом уровне, чтобы показать другим представителям общества, не связанным с правоприменительной деятельностью, весь арсенал лингвистических (и не только) средств ведения информационной войны против нашего государства, поможет распознать криминальную манипуляцию, избежать вербовки в ряды террористических и экстремистских организаций.

¹¹ См. например: Состояние преступности в России за январь – октябрь 2025 года // МВД России, ФКУ «Главный Информационно-аналитический Центр». <https://media.mvd.ru/files/application/15496826>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сааков Т.А. Особенности изъятия речевых произведений, находящихся в цифровой среде // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: материалы научно-практической конференции с международным участием (Москва, 05 апреля 2019 г.). М.: РГ-Пресс, 2019. С. 191–194.
2. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза: монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 352 с.
3. Кузнецов В.О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспер-

REFERENCES

1. Saakov T.A. Features of Extraction of Speech Products Located in the Digital Environment. *Current Problems of Digitalization of Criminalistic and Forensic Activities: Proceedings of International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 05, 2019)*. Moscow: RG-Press, 2019. P. 191–194. (In Russ.).
2. Kuznetsov V.O. *Forensic Linguistic Examination: Monograph*. Moscow: RFCFS, 2021. 352 p. (In Russ.).
3. Kuznetsov V.O. On the Issue of Expert Terms in Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Fo-*

- тизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 1. С. 29–41.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>
4. Секераж Т.Н. Методологические принципы исследования информационных материалов в судебной психологической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4. С. 26–39.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-26-39>
5. Копнина Г.А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания // Филология и человек. 2021. № 3. С. 30–46.
[https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)3-04)
6. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2009. 240 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.
8. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2011. 232 с.
9. Плотникова А.М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики: монография. Екатеринбург; М.: ТХТ, 2017. 196 с.
10. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: URSS; Librokom, 2016. 254 с.
11. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И., Акуленко Е.В., Бойцов А.А. и др. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.
13. Ковалева А. «Тактика обвинения» в формировании отрицательного образа США в журнале «Огонек» в 1960–1965 гг. // Слово о науке. 2022. Спецвыпуск. С. 75–79.
14. Громова А.В. Переписка в мессенджере: идентификация автора по тексту в условиях трансформации индивидуализирующих признаков // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 2. С. 87–98.
<https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.8>
15. Назарова Т.В., Гримайло Е.А., Громова А.В., Манянин П.А., Ростовская А.В. Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. 80 с.
- rensic Science. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 29–41. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>
4. Sekerazh T.N. Methodological Principles of Information Materials Research in Forensic Psychology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 26–39. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-26-39>
5. Kopnina G.A. Verbal Manipulation in Mass Media Text / Discourse: The Problem of Recognition. *Philology & Human*. 2021. No. 3. P. 30–46. (In Russ.).
[https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)3-04)
6. Issers O.S. *Speech Impact: Textbook*. Moscow: Flinta; Nauka, 2009. 240 p. (In Russ.).
7. *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language* / S.A. Kuznetsov (ed.-in-chief). St. Petersburg: Norint, 2002. (In Russ.).
8. Danilova A.A. *Verbal Manipulation in Mass Media*. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet; KDU, 2011. 232 p. (In Russ.).
9. Plotnikova A.M. *Conflict Communication in the Aspect of Forensic Linguistics: Monograph*. Yekaterinburg; Moscow: TKhT, 2017. 196 p. (In Russ.).
10. Osadchii M.A. *The Russian Language on the Threshold of Law: Functioning of Modern Russian Language in the Context of Legal Regulation of Speech*. Moscow: URSS; Librokom, 2016. 254 p. (In Russ.).
11. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I., Akulenko E.V., Boitsov A.A. *et al. Semantic Studies in Forensic Linguistic Examination: Methodical Manual*. Moscow: RFCFS, 2018. 136 p. (In Russ.).
12. Sheigal E.I. *Semiotics of Political Discourse*. Moscow: Gnozis, 2004. 328 p. (In Russ.).
13. Kovaleva A. The “Tactics of Accusation” in Building of a Negative Image of the United States in “Ogonyok” Magazine in 1960–1965. *Word in Science*. 2022. Special. P. 75–79. (In Russ.).
14. Gromova A.V. Correspondence in the Messenger: Identifying the Author by Text in the Context of the Transformation of Individualizing Features. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021. Vol. 20. No. 2. P. 87–98. (In Russ.).
<https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.8>
15. Nazarova T.V., Grimailo E.A., Gromova A.V., Manyanin P.A., Rostovskaya A.V. *Linguistic Examination of Texts Being of Limited Use for Analysis: Methodological Recommendations*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2021. 80 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бойцов Алексей Александрович – старший эксперт отдела фоноскопических и лингвистических исследований СЭЦ СК России, преподаватель кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности «Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»;
e-mail: alexey.boytsov@yandex.ru

Кулешова Александра Андреевна – старший государственный эксперт отдела лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России;
e-mail: kuleshov0061@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Boytsov Alexey Aleksandrovich – Senior Expert, Department of Phonoscopic and Linguistic Examinations, “Forensic Centre of the Investigative Committee of the Russian Federation”; Lecturer of the Department of Forensic and Operational Investigative Activities of Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev;
e-mail: alexey.boytsov@yandex.ru

Kuleshova Aleksandra Andreevna – Senior State Forensic Expert, Department of Linguistic Examinations, the Russian Federal Centre of Forensic Science named after professor A.R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation;
e-mail: kuleshov0061@gmail.com

*Статья поступила: 19.08.2025
После доработки: 13.10.2025
Принята к печати: 28.11.2025*

*Received: August 19, 2025
Revised: October 13, 2025
Accepted: November 28, 2025*